о мучении Елеазара и семи братьев, а также о восстании иерея Мататиага (Маттафии) против царя Антиоха.

В. М. Истрин, еще в 1905 г. опубликовавший тексты названных отоывков в своей работе об Академическом хронографе, не мог определить их источника, считая их произведениями новозаветной эпохи на том основании, что в них очень много и часто говорится о воскресении мертвых и что они по стилю напоминают рассказы о христианских мучениках. 17 В действительности оригиналом этих сказаний являются отоывки из III книги «Иосиппона» (первое сказание в главах 6, 7, 8; второе — в главе 12 этой книги). Это, несомненно, отрывки того же перевода, с которым мы встречаемся и в повести «О взятии»; мы легко можем распознать те же стилистические и синтаксические гебраизмы, как бы сквозящие сквозь ткань древнерусского текста, те же приемы перевода, сходные фразеологические сочетания, излюбленные переводчиком. Они близки к разобранным нами выше языковым особенностям летописного отрывка, сохранившего часть перевода II книги. Возможно, что следы той же II книги «Иосиппона» откроются при ближайшем внимательном изучении второй редакции древнерусской «Александрии», текст которой содержит свыше 15 добавлений по сравнению с первой редакцией; В. М. Истрин не смог найти их источников. Эта редакция, как известно, сохранилась в тех же списках «Еллинского и Римского летописца», что и «О взятии Иерусалима».

Таким образом, наличие отрывка из «Иосиппона» в Повести временных лет доказывает существование древнерусского перевода книги «Иосиппона» в полном ее объеме уже в XΗXÎÎ вв. Перевод этот, вне всякого сомнения, был сделан именно на Руси и на древнерусский, а не на старославянский литературный язык. Свидетельством тому являются яркие, бросающиеся в глаза восточнославянизмы, пронизывающие собою весь

приведенный выше летописный отрывок.

Мы имеем возможность отметить такие характерные явления древнерусской лексики, как «шатер», «товарище» (в смысле «воинский стан», «лагерь»). Типичными следует признать такие фонетические руссизмы, как «ночь», «ворочюся», «аче», «хожю», «вожаще», «молонии» и ряд других. Морфологические особенности тоже специфически древнерусские, например форма винительного падежа множественного числа от существительного с основой на «jo» с флексией «в»: «царв». Синтаксис в ряде мест отражает свойства русской народной речи: соединение в одном и том же сложном предложении сочинительной и подчинительной связи — «аче не любо ти, а ворочюся дому своему», «в онь же днь преступиши речь его, и умерши».

В отличие от окружающих его частей Повести временных лет, содержащих по преимуществу записи о церковных событиях и изложенных церковно-славянским возвышенным слогом, отрывок сразу поражает своим

русским народным языковым складом.

Весь отрывок в целом отличается живостью, яркостью, образностью и выразительностью языка. Те же черты народности в языке мы обнаруживаем и в названных выше остальных частях древнерусского «Иосиппона». Это говорит о высоком мастерстве переводчика, отваживавшегося переводить вообще очень трудные для перевода средневековые еврейские тексты светского содержания.

Литературная судьба перевода, сохранившегося не в целом, а лишь в отдельных отрывках, в виде позднейших цитат или в составе компилятивных произведений, не представляет собою чего-либо необычного для

¹⁷ В. М. Истрин. Хронограф Академии наук 45.13.4. Одесса, 1905, стр. 13 и сл.